

ПРАВО И МИРОВОЕ ГЛОБАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО¹

М. В. АНТОНОВ*, Е. Г. САМОХИНА**

27–28 января 2012 г. в НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург состоялся международный colloquium «Право и мировое глобальное сообщество». В работе colloquium приняли участие ученые из Европы, Азии, Северной Америки, а также отечественные исследователи из Санкт-Петербурга, Москвы, Владимира и других городов России. Всего colloquium собрал более 40 участников, с докладами выступили 26 исследователей. Рабочим языком данного научного мероприятия был английский. В основном среди докладчиков были специалисты по теории права и по международному праву. На colloquium состоялся плодотворный обмен мнениями, доклады и выступления были встречены с большим вниманием, по их итогам состоялось обсуждение, которое выявило проблемные моменты в понимании права среди отечественных и зарубежных исследователей. Особый интерес вызвали дебаты между проф. Кравицем и проф. Мелкевиком о парадигмах научного знания о праве в современном мире, дискуссия между А. В. Поляковым, Ч. Варгой и доц. А. В. Стывбой о природе правовых текстов и коммуникации, спор между Л. Мьяльксоо, А. Ю. Сунгуровым, М. В. Антоновым и М. Паришем о прагматизме и идеализме в международной политике. КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международное право, глобализация, теория права, международное сообщество, парадигма, правовые системы, правовая коммуникация.

ANTONOV M. V. , SAMOKHINA E. G. LAW AND WORLD GLOBAL COMMUNITY

An international colloquium «Law and World Global Community» took place on January 27–28, 2012 at the National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg. The scientists from Europe, Asia, North America as well as Russian researchers from St. Petersburg, Moscow, Vladimir and other Russian cities took part in this colloquium. There were totally 40 participants, 26 researchers presented their reports. English was the working language of this scientific event. The speakers included mostly specialists in the theory of law and in the international law. The colloquium was characterized by fruitful exchange of opinions, much attention was given to reports and speeches followed by the discussion which enabled to identify problems in the understanding of law among Russian and foreign scientists. Special

* Антонов Михаил Валерьевич — кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории права НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург.

E-mail: mantonov@hse.ru

© М. В. Антонов, 2012

** Самохина Екатерина Геннадьевна, преподаватель юридического факультета НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург.

E-mail: ya.samohina@gmail.com

© Е. Г. Самохина, 2012

¹ Настоящая работа подготовлена при поддержке Фонда академического развития НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург.

attention was focused on the debates between professor Kravits and professor Melkevick regarding the paradigms of scientific knowledge of law in the modern world, the discussion between A. V. Polyakov, Tch. Varga and associate professor A. V. Stovba regarding the nature of legal texts and communication, the argument between L. Myalksoo, A. Yu. Sungurov, M. V. Antonov and M. Parish regarding pragmatism and idealism in international politics.

KEYWORDS: International law, globalization, theory of law, international community, paradigm, legal systems, legal communication.

27–28 января 2012 г. в НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург состоялся международный colloquium «Право и мировое глобальное сообщество». В работе colloquium приняли участие ученые из Европы, Азии, Северной Америки, а также отечественные исследователи из Санкт-Петербурга, Москвы, Владимира и других городов России. Всего colloquium, рабочим языком которого был английский, собрал более 40 участников. Подобное мероприятие по теоретико-правовой проблематике (с английским как рабочим языком) проводилось в России впервые. Теоретико-правовая дискуссия проходила в привычном для международных научных событий формате, но с преобладающим участием отечественных исследователей (более половины выступавших были россиянами). Работа двухдневного colloquium была построена по двухуровневой модели, где на первую половину дня приходились выступления пленарных докладчиков (по 40 минут с последующим обсуждением), а на вторую — выступления остальных участников (по 15 минут).

У российских ученых появилась возможность попробовать свои силы в публичном выступлении на английском языке на международном научном мероприятии, особенно в рамках обсуждения выдвинутых в докладах идей с зарубежными гостями colloquium. Для многих молодых ученых такой опыт был первым, и нужно признать, что наши преподаватели и аспиранты с честью выдержали данное испытание. Для маститых российских ученых участие в colloquium предоставило возможность рассказать миру (в лице зарубежных исследователей, присутствовавших на colloquium) о своих исследованиях, научных позициях, сравнить свое видение права и правовой проблематики с представлениями зарубежных коллег. Заслугой организаторов явилась предварительная публикация отдельным изданием на английском языке тезисов всех выступающих, что позволяет продвигать в западной научной среде воззрения отечественных исследователей, для многих из которых данная публикация была первой на иностранном языке. Участники colloquium сошлись во мнении о том, что практика проведения подобных мероприятий в России наиболее эффективно способствует интеграции российской теоретической юриспруденции в мировую научную традицию.

Среди россиян наибольшее количество участников обеспечили НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург и юридический факультет СПбГУ. На colloquium состоялся плодотворный обмен мнениями, доклады и выступления были встречены с большим вниманием, по их итогам последовало бурное обсуждение, которое выявило проблемные моменты в понимании права среди отечественных и зарубежных исследователей. Особый интерес вызвали дебаты между проф. Кравицем и проф. Мелкевиком о парадигмах научного знания о праве, дискуссия между А. В. Поляковым, Ч. Варгой и А. В. Стовкой (Украина) о природе правовых текстов, спор между Л. Мьяльсоо, А. Ю. Сунгуровым, М. В. Антоновым и М. Паришем о прагматизме и идеализме в международной политике. В основном среди докладчиков были

специалисты по теории права и по международному праву. Вместе с тем в данном коллоквиуме участвовали не только представители юридических дисциплин, но и исследователи, ведущие свои изыскания в области истории, политологии, социологии (к примеру, известный политолог А. Ю. Сунгуров и социолог Т. Ю. Борисова, оба из НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург), что дает основание характеризовать это научное мероприятие как междисциплинарное.

В качестве пленарных докладчиков выступали зарубежные гости коллоквиума: профессор Вестфальского университета (Мюнстер, Германия), директор Центра российско-германского правового сотрудничества Вернер Кравиц; профессор, директор докторской школы по философии права Квебекского университета Лаваль (Канада) Бьярн Мелкевик; профессор Тартуского университета (Эстония) Лаури Мяльксоо; генеральный секретарь Центра фундаментальных правовых исследований Люцернского университета (Швейцария) Кристоф Гоод; профессор Будапештского университета Пазмани (Венгрия) Чаба Варга; член-корреспондент Британского института международного права и сравнительного правоведения, партнер юридической фирмы Holman Fenwick Willan (Англия) Мэтью Париш, а также два ведущих отечественных теоретика права — д. ю. н., профессор СПбГУ А. В. Поляков и д. ю. н., профессор СПб Института генпрокуратуры РФ И. Л. Честнов.

Открыл работу коллоквиума проф. **Илья Львович Честнов** с докладом **«Принцип релятивизма в постклассической правовой мысли»**. Докладчик выдвинул тезис, согласно которому одним из принципов постклассической картины мира и эпистемологии является релятивизм — относительность знания об объекте. Знание об объекте исследования всегда неполно, ограничено, обусловлено господствующими ценностями, идеологией, научными традициями и т. п., оно включено в интеракции и межкультурные контексты. Все эти характеристики относятся и к юридическому знанию, которое обладает лишь относительной автономностью в среде социогуманитарного знания. Юридическая наука — это «частная социальная теория», содержание которой определяется связью с социальной философией и другими общественными науками. Право, как и многие другие социальные феномены (политика, экономика), невозможно однозначно эмпирически зафиксировать. Многогранность права и невозможность его описания и объяснения «изнутри» (из самого права) свидетельствует о его релятивности: содержание права всегда зависит от положения человека в социуме и от представлений о социальном устройстве (от ценностей, идеологии и т. д.). Следовательно, нет «чистых» правовых институтов, как нет эмпирически данной нормы права, системы права, правоотношений и т. д., а есть люди, которые создают правовые институты как социальные представления и воспроизводят их в своих практиках. На этом основании докладчик делает вывод об отсутствии универсального, единого образа права, подходящего для всех народов во все времена, — право всегда конкретно и обусловлено особенностями того общества, которое его порождает.

Название доклада **Лаури Мяльксоо** было сформулировано нарочито дискуссионно: **«Является ли современное международное право универсальным или фрагментированным? Положение России»**. Докладчик обратил внимание на один из центральных вопросов теории международного права — есть ли в современном праве один смысловой центр, либо же в мире существует множество таких центров. Иными словами, возможен ли единый, европоцентристский подход к международному

праву, либо же в этом праве существует множество центров развития. В европейской правовой культуре международное право изначально было сформулировано как право «цивилизованных народов», хотя в Китае и других неевропейских цивилизациях принципы международных отношений были известны задолго до складывания в Европе вестфальской системы, которая считается основой современного международного правопорядка. Россия также имеет долгие международно-правовые традиции, которые эстонский исследователь исчисляет со времен средневековых договоров между Ганзейским союзом и Новгородом, Псковом, Смоленском, другими русскими городами. После реформ Петра Великого Россия присоединилась к общеевропейской концепции международного права. Интересный поворот российская наука международного права осуществила после Октябрьской революции, когда на место европоцентристской картины мира некоторые советские ученые-международники попытались поставить бинарную картину мироустройства, где в отношениях с государствами социалистического лагеря действовали иные правовые принципы, чем с капиталистическими странами или со странами третьего мира.

После падения советского строя Россия декларативно подтвердила верность универсалистскому (европоцентристскому) подходу в международном праве, но все чаще возникают моменты, в которых позиция России расходится с теми принципами международного права, которые считаются важнейшими для западных держав. В качестве показательного примера докладчик привел ситуацию в Югославии в 1998 г., которая с точки зрения международного права означала конфликт правовых ценностей — государственного суверенитета и защиты прав человека, а также конфликт двух организационных структур — ООН и НАТО. По мнению эстонского правоведа, эта (и последовавшие за ней) ситуация свидетельствует о новых тенденциях в международном праве — о разделении между «общим» и «региональным» международным правом. Докладчик полагает, что в силу своего особого культурного и географического положения Россия может оказать существенное влияние на развитие данных тенденций — как в плане сглаживания противоречий между «западным» и «общим» международным правом, так и в плане акцентирования конфликта между ними для достижения своих кратко- и среднесрочных целей.

Британский юрист и исследователь **Мэтью Париш** в докладе, озаглавленном «**Международное право и возвращение политики “великих держав”**», усомнился в способности международных институтов обеспечить реализацию устойчивой и четкой правовой политики. Эти институты, включая и международные судебные органы, не обладают необходимыми для реализации своей воли принудительными органами и вынуждены прибегать к механизмам принуждения отдельных государств. В этом отношении международные организации не могут не оказаться в зависимости от позиции тех государств, принудительной силой которых они пользуются для обеспечения эффективной реализации своих решений. Международное право, таким образом, оказывается лишь внешней стороной внутреннего, национального права доминирующих в мировой политике государств, их правовой идеологией. Такая идеология не основана на согласии государств по поводу правовых ценностей, поскольку, как считает докладчик, такое согласие невозможно, если только не обманывать себя иллюзией существования объективных универсальных ценностей, содержание которых вечно и неизменно. Идеологическая составляющая международного права отражает не убеждения мирового сообщества относительно правовых принципов — она отчетливо выражает ценности,

идеалы, верования отдельных обществ. В качестве примера Париш привел современную идеологию международного порядка и защиты прав человека, в которой выражается не консенсус и даже не воля государств, а позиция ведущих средств массовой коммуникации, которые формируют общественное мнение и тем самым определяют выбор политических лидеров ведущих мировых держав.

Поэтому докладчик выразил уверенность в том, что получившие во второй половине XX в. сильное влияние международные суды и иные организации есть лишь «пена на волне истории», которая не отражает сущности международного права как способа согласования и координации политики суверенных государств. Основными и, по мнению Париша, единственно возможными участниками международного общения являются государства, тогда как международные организации являются завуалированными косвенными формами реализации политики отдельных государств. Если, следуя законам развития бюрократических структур, международные организации тяготеют к утверждению своей самостоятельности от содержащих и поддерживающих их государств (развивая при этом соответствующую идеологию), то эта тенденция основана на ложном представлении о реальной сущности вещей в международной политике. Не имея ни финансовых, ни силовых, ни иных ресурсов, международные организации сами не способны обеспечить свое долговременное и стабильное существование.

В своем докладе **«Варианты понимания права — предвестники глобализации права»** доцент **Кристоф Гоод** обратил внимание на глобализацию международно-правового регулирования конфликтов. Любой конфликт в современном мире потенциально является глобальным — это обуславливается как технологическими (вооружения, коммуникации), так и культурными аспектами (конфликт интересов часто становится одновременно и конфликтом идеологий, культур). Поэтому право, регулирующее международные конфликты, становится глобальным за счет (потенциального) расширения сферы своего применения до мирового масштаба. Наиболее показательным примером швейцарский исследователь считает гуманитарное право: именно в нем, как утверждает докладчик, были сформулированы основополагающие принципы международного урегулирования конфликтов. В качестве примера Гоод приводит Санкт-Петербургскую декларацию 1868 г., где Россия выступила инициатором международных переговоров об ограничении использования негуманных боевых средств. Страны — участники декларации сформулировали правило, согласно которому ведение военных действий не должно преследовать своей основной целью смерть или увечье людей. Данное ключевое положение Санкт-Петербургской декларации впоследствии было развито в международных конвенциях и договорах об ограничениях на отдельные виды вооружений. Это позволяет докладчику утверждать, что принципы гуманитарного права были впервые сформулированы именно в Санкт-Петербурге.

Второй день работы коллоквиума был открыт докладами двух ведущих современных представителей коммуникативной теории права — А. В. Полякова и В. Кравица. Свой доклад **«Право и коммуникация в глобальном мире»** профессор **Андрей Васильевич Поляков** посвятил проблематике понимания природы права. Для докладчика право есть инструмент социального взаимодействия, который выполняет свою функцию через правовые тексты. Представления о праве, наука о праве, правовая идеология, как объясняет профессор А. В. Поляков, зависят от исторической эпохи, в рамках которой понятие права получает свой смысл. У каждого времени свои представления об этом феномене. Не удивительно, что и наша эпоха

перехода к глобальному сообществу требует своего собственного взгляда на право. Идея права как коммуникации (и все, что с ней связано) представляется докладчику весьма перспективной в контексте поиска теории права, адекватной своему времени. Докладчик полагает, что коммуникацию необходимо рассматривать как первичный и основной факт социальной жизни. Строго говоря, феноменологически можно выявить только коммуникацию, а право возможно только как эпифеномен коммуникации и только в ее границах и возможностях. Право «как оно есть» есть право как коммуникация.

Этот тезис автор доказывает через утверждение коммуникации как конституирующего основания социального. «Социальное» — это взаимодействие на основе понятого смысла общих для взаимодействующих текстов. А это и есть коммуникация. Коммуникация есть своего рода «атом» социальности. Вне коммуникации «социальное» вообще не существует. Здесь важен не сам факт взаимодействия, а то, что любое взаимодействие определяется «субъективными» возможностями понимания смыслов, задаваемых «объективно» существующими текстами. Право возникает там, где «субъективное» понимание смысла правового текста совпадает с его «объективной» значимостью. Причем правовой текст — это не текст, описывающий что-либо, но текст, легитимно определяющий для каких-то субъектов-адресатов их поведенческие возможности. Только субъекты, взаимодействующие на основе признанных прав и обязанностей, вытекающих из общезначимых и общеобязательных текстов, находятся в состоянии правовой коммуникации, «создают» право. Смысл правовой коммуникации как раз и заключается в осмысленной и ответственной реализации человеческой свободы на основе своих прав и обязанностей.

В своем докладе **«Единый мир? Единое право? Единая глобальная система права?»** профессор **Вернер Кравиц** продолжил коммуникативную проблематику и затронул комплекс вопросов, связанных с глобализацией права. По мнению докладчика, развитие теории права — это проект, который не совпадает со сферой ортодоксальной юриспруденции. По ряду важных аспектов их задачи различны. Вопреки критике традиционных концепций в настоящее время в юридической догматике (континентально-европейского образца) превалирует тенденция к ортодоксальному пониманию отношений и природы юридической практики и юридической догматики. Профессор Кравиц считает, что традиционная правовая доктрина серьезно отстает от современных возможностей практической правовой коммуникации. Право — это, прежде всего, социальная структура или нормативная структура общества, правопорядок, выступающий интегральной частью социального порядка. Соответственно, задача теории заключается в том, чтобы построить и развить такую теорию права, которая имела бы дело не только с лингвистической, но и с социальной структурой правовых норм, а также с глубинной социетальной структурой правопорядка, лежащей в основе социальных и правовых систем.

Центральным моментом правовой коммуникации является коммуникативное соотношение между установлением норм и их соблюдением. По своей форме, структуре и функциям правовые системы современного общества — если их рассматривать с точки зрения теории норм и действия — образуют единую информационную и коммуникативную систему для всего общества с последствиями мирового масштаба. При этом только отдельные виды коммуникации порождают последующие коммуникации и тем самым обеспечивают дальнейшее функционирование системы. Правовая система нормирует социальную жизнь посредством селекции

коммуникаций, используя бинарный код. Этот код придает коммуникации в рамках системы права правовое значение и исключает из системы другие значения. Этот код может быть представлен как право/неправо, действительность/недействительность, легальность/нелегальность, истинность/ложность, справедливость/несправедливость. Благодаря бинарному коду коммуникация будет иметь в рамках каждой (бинарной) единицы только одно значение. Напротив, социальная среда может быть постигнута как система действий и интеракций, обеспечивающих сцепление коммуникативных актов, или сцепку директив и норм с предыдущими директивами и нормами.

Доклад канадского правоведа профессора **Бьярна Мелкевика «Что думать о парадигме глобального права?»** был посвящен критике успешных обобщений о глобализации как признаке современного правового развития. Для докладчика, прежде всего, неприемлем сам термин «парадигма», с помощью которого пытаются некритично совместить разнородные тенденции в различных обществах. Странник идеи культурного и правового плюрализма, Мелкевик обращает внимание на непоследовательность тех исследователей, которые утверждают о «единой парадигме» современного мира и одновременно находят такую «парадигму» в плюрализме, в неустранимой разнородности социального, правового, культурного бытия мира. Если второй тезис (о культурном плюрализме как основной черте современности) верен, то тем самым опровергается сама идея нахождения в мире неких всеобщих «парадигм». Поэтому разговоры о глобализации, о глобальном праве лишены предмета, являются наследием старых представлений об однолинейном развитии культуры. Нет никаких оснований находить однородные процессы даже в развитии соседних стран, принадлежащих к одной и той же культуре (в качестве примера докладчик привел США и Канаду), тем не менее основательны попытки свести к одному знаменателю развитие совершенно разных культур.

Общества могут сталкиваться с одними и теми же проблемами, преодолевать одни и те же трудности. Но если мы еще говорим о разных обществах, а не о некоем мифическом глобальном обществе, «плавильном котле», в котором сливаются воедино и смешиваются разнообразные культуры человечества, то мы должны признать, что каждое общество идет своим уникальным путем, преодолевая эти трудности и проблемы и через это создавая свои собственные культуры. Даже если внешне эти процессы будут казаться схожими, они все равно будут обнаруживать нюансы, особенности, некоторую долю оригинальности, за счет которых и формируется каждая отдельная культура. Поэтому за разговорами о глобализации по сути стоит желание теоретиков упростить видение мира, найти легкую экспликативную схему, с помощью которой можно было бы описывать те процессы, для познания которых теория не может изобрести адекватных методов. Соответственно, «глобальное право» для профессора Мелкевика есть лишь идеология, иллюзия, броское словечко, которое не имеет за собой никакого референта в правовой действительности. А эта действительность невозможна без опоры на определенную правовую культуру, которая создается не за десятилетия, а за долгие века развития.

В докладе доцента **Ивана Александровича Шаповалова «Национальные правовые системы и структуры в рамках мирового сообщества: тормоза или средства защиты?»** были поставлены вопросы, созвучные тематике выступления проф. Мелкевика. По мнению докладчика, поскольку глобальное мировое сообщество, представляя собой замкнутую систему, не может иметь продолжительного существования, необходимо

больше внимания уделять сохранению национальных правовых культур, противодействуя созданию универсальной правовой системы. При этом Шаповалов обращает внимание на парадоксы глобализации. Так, глобализация не предполагает наличия общей базы или принципов — западные общества развивают взаимодействие вокруг иных ценностей, нежели мусульманские или дальневосточные общества. С этой точки зрения в современном мире нет и не предвидится появления единой культуры и, соответственно, единого глобального сообщества. Поэтому можно говорить скорее о регионализации, об интеграции отдельных цивилизаций, чем о создании единой цивилизации. Дискуссии о глобализации, о создании общей правовой культуры и механизмов правового регулирования не имеют под собой реального основания. Эффект таких дискуссий скорее негативный, поскольку они размывают структуры национальных правовых систем и ведут к атомизации обществ, где ослабевает связь индивидов как членов национальных сообществ, но взамен не создается никакого космополитического сообщества, способного интегрировать людей, оторванных от национальных правовых культур.

Венгерский исследователь профессор **Чаба Варга** свой доклад «**Порядок из хаоса? Философия создания и действия европейского права**» посвятил проблематике концептуальных оснований правового регулирования на уровне общеевропейских институтов Евросоюза. Варга таких оснований в строении европейского права не находит — для него правовая система Евросоюза есть лишь конгломерат случайно подобранных правил и институтов, созданных благодаря разрозненным политическим влияниям, которые были просто встроены в уже существующие национальные системы права. Это единство не есть единство интеграции; оно держится за счет более или менее однонаправленной политической воли доминирующих в Европе сил. В случае возникновения серьезного конфликта интересов наций, экономических, культурных групп европейское право может разрушиться столь же быстро, сколь быстро оно было сформировано за последние пару десятилетий. Варга даже сомневается в возможности обозначать европейское право как систему и предпочитает говорить о компромиссе правовых культур, который пока еще не привел к созданию некоей общей культуры, к формированию единых принципов. Проекты унификации и кодификации европейского права не смогут, по мнению венгерского правоведа, привести к интеграции этого права, поскольку не смогут заменить отсутствующих аксиоматических оснований, на которых должна строиться любая социальная система. Такая насильственная унификация, не подкрепленная единой общеевропейской правовой культурой, должна привести лишь к усилению авторитарных начал в деятельности общеевропейских правовых институтов.

Выход из данной ситуации профессор Варга видит в утверждении правового плюрализма как основной черты европейского права, которое не должно стремиться к унификации, централизации, авторитарности, свойственным государственному (официальному) праву. Задачей европейского права является создание единого дискуссионного пространства, где разные правовые культуры на основе баланса и компромисса интересов могли бы совместно решать возникающие перед ними проблемы, не будучи при этом подчинены гегемонии центров общеевропейской правовой политики. Это, разумеется, требует и пересмотра наших теоретических представлений о самом праве, которое в западноевропейской правовой традиции из централизирующего нормативного регулятора поведения все больше превращается в децентрализованную координирующую сеть взаимодействий, в то, что принято называть «мягким правом».

Эта проблематика получила свое продолжение в докладе **Татьяны Михайловны Сыруниной «Экономика и право: должны ли правовые нормы быть эффективными?»**. После освещения предыстории экономического подхода к праву докладчик указал на то, что считает важнейшим в этом подходе, — возможность формирования универсальных правил рационального поведения как критериев для оценки как норм права, так и конкретных правовых актов. Особенно полезным экономический анализ права может оказаться в тех ситуациях, когда правоприменитель сталкивается с неоднозначностью правовых текстов, с необходимостью заполнения пробелов или выбора между двумя равнозначными конкурирующими нормами. Это направление также оказывается полезным при выстраивании законодательной политики, при оценке принимаемых законопроектов с точки зрения их эффекта на хозяйственную деятельность людей. При этом наличие значительных теоретических и практических трудностей для применения экономического анализа в праве, докладчик тем не менее с оптимизмом смотрит на перспективы этого направления в российской правовой действительности.

Доцент **Андрей Евгеньевич Зуев** в своем докладе **«Право и практика: распределение влияния на международной арене»** обратился к изучению относительного влияния законодательства и правоприменительной практики на международном и на внутригосударственном уровне. Эти две стороны правовой действительности сохраняют относительную независимость по отношению друг к другу, нередко правоприменительная практика противоречит действующему законодательству в его буквальном значении. В качестве показательного примера Зуев привел институт исковой давности. Подобная ситуация ставит многочисленные проблемы в плане международного сотрудничества государств, имплементации норм международного права в национальное законодательство, гармонизации и унификации права.

Аналогичную проблему в своем докладе **«Обеспечение прав человека в Таиланде»** поднял таиландский исследователь **Чочиван Тамисанонт**. Он рассмотрел особенности закрепления и защиты прав человека в Таиланде, которые связаны с незначительными возможностями контроля за деятельностью органов государственной власти со стороны населения. Докладчик обратил внимание на расхождение между декларативными положениями таиландской Конституции и реальной судебной практикой, которая не дает защиты закрепленным в Конституции правам и свободам человека. Основным препятствием докладчик считает отсутствие механизмов правового государства в Таиланде, в связи с чем положения Конституции о судебном контроле за исполнительной властью, о государственном контроле за соблюдением прав человека, иные демократические лозунги остаются нереализованными по причине расхождения между писаной и материальной конституциями таиландского государства.

Изучение развития идеи глобального мирового сообщества в западной философии права стало предметом докладов А. А. Краевского, С. Т. Стамбулова и Е. Г. Самохиной.

Аспирант **Тимур Темирханович Стамбулов** в своем выступлении на тему **«Методологические основы американского правового реализма: проблема базового мифа в теории Джерома Франка»** обратился к взглядам известного теоретика права на системность и стабильность правовой системы. С точки зрения исследователя, представители американского правового реализма данного течения предприняли попытку пересмотреть механизм правового регулирования в контексте признания

созидательной и активной роли судьи при конструировании правовой реальности. Американский правовой реалист Джером Франк предлагал критически рассматривать категории «норма права» и «закон» (в традиционном понимании), выдвигая идею о том, что правом является только то, что произошло или произойдет в конкретном судебном деле, а юридические нормы являются не чем иным, как существующим в сознании субъекта средством прогнозирования содержания судебных решений. Предпосылкой для реалистического понимания права выступал отказ от веры в то, что праву свойственны «системность», «ясность» и «определенность». Такой отказ позволил Франку пересмотреть понятие права в логико-лингвистическом контексте, а также решить вопрос соотношения специального юридического и обыденного языков.

В выступлении **Екатерины Геннадьевны Самохиной** «Глобальное мировое сообщество как универсальная аудитория» была предпринята попытка проанализировать мировое сообщество как «универсальную аудиторию» (в терминологии Хайма Перельмана) и решить, насколько сопоставимы характеристики, свойственные последней, с качествами глобального мирового сообщества. Термин «глобальное мировое сообщество» используется в политике, экономике, юриспруденции и других науках для описания сообщества самых разнообразных национальных государств. Данная категория основана на представлении о наличии согласия населения и правительств всех государств относительно основополагающих ценностей, прав и свобод и способов реализации их защиты. Данный термин, по мнению докладчика, соответствует данному Перельманом определению «универсальной аудитории» как абстрактной категории, в которую включаются все занятые в правовом общении лица, иными словами, практически все человечество. Однако если сопоставить глобальное мировое сообщество с характеристиками, даваемыми философом универсальной аудитории, то окажется, что данное сообщество будет являться образцом рациональности, последовательности, праведности и проч., которые не могут быть свойствами ни отдельного индивида, ни их совокупности. С этой точки зрения те правовые установления, которые обосновываются путем обращения к общепринятым ценностям и представлениям, наподобие международно-правовых принципов или всеобщих прав и свобод человека, не являются универсальными и не могут быть универсально признанными всеми или большинством субъектов права. Речь идет о просвещенческой идее «всеобщего признания», вокруг которой строится правовое общение, предполагающее «всех разумных людей», актом своей воли и/или признания признающих некие универсальные правовые принципы. Но если эта идея в том смысле, в котором в нее вкладывала философия Просвещения, не выдерживает критической проверки, это еще не означает отрицания универсальности прав — такая универсальность может пониматься не как факт, а как мысленная предпосылка для конструирования области правовой аргументации, в рамках которой эти гипотетические права и принципы обретают реальное контекстуальное содержание.

Доклад аспиранта **Арсения Александровича Краевского** «Международное право и тождество правовой системы в интерпретации Ганса Кельзена» был посвящен проблеме тождества правовой системы в теории Кельзена. Рассуждения о международной правосубъектности государства Краевский основывает на позиции австрийского правоведа, согласно которой основанием действительности правового порядка является минимум его действенности. Согласно принципу минимума действенности, если где-либо установлена власть, способная обеспечить

постоянное соблюдение принудительного порядка со стороны индивидов, чье поведение им регулируется, то установления такой власти являются правом, а сообщество, конституируемое этим порядком, является государством в смысле международного права. В данном смысле правовая система перестает существовать, если поддерживающая его власть перестает быть действенной. Здесь докладчик обратился к излюбленному кельзеновскому примеру — революции. Большинству событий, называемых «революциями», соответствует изменение основной нормы правового порядка. Несмотря на то что вследствие этого прежнее законодательство лишается своего основания действительности, оно может продолжать действовать на основании новой основной нормы. Это происходит благодаря фактической рецепции прежнего законодательства, которое тем самым сохраняет минимум действительности. Здесь может возникнуть конфликт между основной нормой нового порядка и той нормой, которая транслируется в новый порядок из старого вместе с сохраняющим свою силу законодательством.

В докладе доцента **Татьяны Юрьевны Борисовой «Закон между революцией и традицией»** были представлены результаты исследования революционного законодательства в России и Финляндии в 1917–1918 гг. По замечанию докладчика, несмотря на значительную разницу в социальных, политических и экономических условиях в Финляндии и России, в обеих странах лидеры революции использовали вполне схожие правовые средства в политических целях. В обоих случаях революционная законодательная политика подразумевала одну и ту же цель — обеспечить успех революции и, в конечном счете, построить новое и лучшее общество. История революционного законодательства может быть изучена с точки зрения соединения двух его основных измерений — формирования новых «революционных» черт законодательной политики и сохранения прежнего дореволюционного права. Такое исследование приводит к выводу о том, что сходство целей революции определяло сходство механизмов и средств, использованных в законодательной политике. Революционные режимы отчетливо выявляют насильственную природу государственной власти и инструментальный характер создаваемого ею права. Лидеры революции в России и Финляндии восприняли от дореволюционных режимов инструментальное понимание права и успешно использовали его в целях легитимации своего правления.

Тему свойств человеческой личности и глобального сообщества продолжил украинский исследователь доцент **Алексей Вячеславович Стовба** в своем докладе **«Образ человека в глобализированной правовой реальности»**. С позиции докладчика, новый образ глобальной правовой реальности, который характеризуется посредством таких черт, как кризис демократии, фрагментированная справедливость, ставит вопрос о новом образе человека. В глобализированной правовой реальности более нет места для «классического» человека как самоидентичного, автономного субъекта. Соответственно меняется и право, все более превращаясь в самореферентный дискурс, носящий инструментальный характер и служащий для обоснования существующего положения вещей. Это приводит к изменению образа «правового человека», который также трансформируется в «инструментальную» сторону.

В работе коллоквиума приняли участие не только представители юридической науки, но и исследователи в области политологии и социологии. Политолог профессор **Александр Юрьевич Сунгуров** в докладе **«Право прав человека: роль академического сообщества и активистов-правозащитников»** указывает на роль концепции прав человека как идеи и как совокупности норм в развитии и международного, и национального права. Творцами

гуманитарного права являются не только органы международных межправительственных организаций, но и представители академического сообщества, лидеры и эксперты международных и национальных неправительственных организаций, при этом эти сообщества часто пересекаются. В современной России и во многих других постсоветских странах существуют глубокие разломы, разделяющие основных возможных участников развития как прав человека, так и права в целом. Первый из таких разломов разделяет государство и его структуры, с одной стороны, и академическое сообщество — с другой; второй — академическое сообщество и активистов правозащитных организаций; третий — юристов и представителей других наук об обществе.

Доклад доцента **Евгения Леонидовича Поцелуева «Сближение правовых систем в условиях глобализации»** был основан на анализе понятия «правовая система общества» и исследовании объективных причин сближения современных правовых систем. С позиции докладчика, история права доказывает, что право одновременно имеет статичные и динамичные черты. Это проявляется в том, что право воспринимает институты других государств, имплементирует и трансформирует нормы международного права в свое законодательство, но при этом сохраняет свою национальную специфику. Данные тенденции свидетельствуют об унификации и гармонизации права.

Аспирант **Валерий Владимирович Пугачев** в докладе **«Роль иджтихада в развитии процессов глобализации в современном исламском мире»** осветил основные особенности процессов глобализации в мусульманском мире. Докладчик обратил внимание на роль такого важного источника мусульманского права, как иджтихад, который в настоящее время стал эффективным средством правотворчества в мусульманском мире.

Завершил работу коллоквиума доклад доцента **Михаила Валерьевича Антонова «О глобализации на языке права»**. В своем выступлении Антонов обратил внимание на нечеткость самого термина «глобализация», отчасти согласившись с критикой профессора Мелкевика в отношении данного термина. Вместе с тем в современных обществах происходят схожие (хотя и не однородные) процессы, среди которых можно назвать рост права международных организаций и транснациональных корпораций, развитие «мягкого права», распространение институтов частного права на сферы, традиционно регулировавшиеся публичным правом, формирование однотипных юридических документов и многое другое. Одним из признаков глобализации можно считать и смещение акцента в теоретико-правовых исследованиях, которые до середины XX в. преимущественно были направлены на внутригосударственное, официальное право. По мнению докладчика, нет никаких препятствий к тому, чтобы эти явления обозначать с помощью понятия «глобализация». Разумеется, ни одно научное понятие не может претендовать на исчерпывающее описание социальной реальности, но тем самым еще не доказывается антинаучный, догматичный, идеологический характер такого понятия. Однако глобализацию нельзя рассматривать как некий объективный процесс, который обуславливает изменения в правовой культуре и в правовом сознании, выступающих в качестве «зеркала» такого процесса. Докладчик обратил внимание на ту роль, которую само право сыграло и продолжает играть в процессах глобализации. В этом смысле меняющее свои очертания право есть не столько результат глобализационных процессов в современном мире, сколько катализатор и условие изменений, которые принято обозначать понятием «глобализация».